

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-128-137>

Шифр научной специальности 5.9.1

Образ озера в художественной картине мира Северного текста русской литературы для детей

Алёна Владимировна ДАВЫДОВА

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова»

163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17

 a.davidova@narfu.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Впервые систематизируются произведения Северного текста русской литературы для детей, в которых возникает образ озера. Цель исследования – рассмотреть художественно-семантические особенности лейтмотивного образа озера в контексте специфики художественного мира Севера. Задачами исследования являются выявление основных мифопоэтических и реалистических характеристик образа озера в произведениях Северного текста для детей; определение мотивов и образов, с которыми он взаимодействует как структурный элемент Северного текста, выявление места образа озера в художественной картине мира Севера. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** С помощью системного подхода к художественному тексту, который представляет собой совокупность методов (хронотопического, мотивного, мифопоэтического, системно-семантического), раскрывающих объект как единую систему, рассмотрен образ озера в произведениях писателей второй половины XX века: А. Линецкого, А. Петухова, В. Пикуня, М. Скороходова, А. Членова. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Осуществив анализ художественного материала, сделан вывод о существовании двух вариантов образа озера: тундровое и лесное озеро. Первый реализован через мифологему круга и приём персонификации, второй – через мотивы двоемирия, тайны, границы, изменения героя. Образ озера в Северном тексте русской литературы для детей сближается также с образами моря и реки и актуализирует мотив единства мира. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Данное исследование является частным этапом изучения образно-семантической структуры Северного текста русской литературы для детей как сверхтекста и обозначает широкие перспективы его дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы для детей, образ озера, художественная картина мира

Для цитирования: Давыдова А.В. Образ озера в художественной картине мира Северного текста русской литературы для детей // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 128-137. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-128-137>

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

The lake's image in the artistic worldview of the Northern text of Russian literature for children

Alyona V. DAVYDOVA

Northern (Arctic) Federal University

17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

✉ a.davidova@narfu.ru

Abstract

INTRODUCTION. For the first time, the works of the Northern Text of Russian literature for children, in which the lake's image arises, are systematized. The purpose of the study is to consider the artistic and semantic features of the leitmotif image of the lake in the context of the specifics of the artistic world of the North. The objectives of the research are to identify the main mythopoeic and realistic characteristics of the lake's image in the works of the Northern text for children; to determine the motives and images with which it interacts as a structural element of the Northern text, to identify the place of the lake's image in the artistic worldview of the North. **MATERIALS AND METHODS.** Using a systematic approach to the literary text, which is a set of methods (chronotopic, motivic, mythopoeic, systemic-semantic) that reveal the object as a single system, the lake's image in the works of writers of the second half of the 20th century is considered: A. Linovsky, A. Petukhov, V. Pikul, M. Skorokhodov, A. Chlenov. **RESULTS AND DISCUSSION.** After analyzing the artistic material, it is concluded that there are two variants of the lake's image: tundra and forest lakes. The first is realized through the mythologeme of the circle and the personification method, the second through the motives of the two worlds, secrets, boundaries, changes of the hero. The lake's image in the Northern text of Russian literature for children also approaches the images of the sea and the river and actualizes the motif of the unity of the world. **CONCLUSION.** This study is a particular stage in the study of the figurative-semantic structure of the Northern text of Russian literature for children as a supertext and indicates broad prospects for its further study.

Keywords: Northern text of Russian literature for children, lake's image, artistic worldview

For citation: Davydova, A.V. The lake's image in the artistic worldview of the Northern text of Russian literature for children. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(1): 128-137 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-128-137>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Значимым направлением современной филологической науки является исследование сверхтекстов. Начало их изучения было положено в трудах Н.П. Анциферова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис, Н.А. Купиной и Г.В. Битенской и др. Эти исследования стали базовыми для разработки теории регионального сверхтекста.

Известен целый ряд работ современных учёных, в которых рассматривается способность того или иного региона породить

сверхтексты. Например, о Крымском сверхтексте пишет С.О. Курьянов в статье «Понятие Крымского мифа как основа Крымского текста». Исследователь, отталкиваясь от «топической» [1, с. 189] природы Крымского мифа, предлагает его классификацию, выделяя «христианский», «восточный», «райский», «античный», «военный» и «курортный» инварианты [1, с. 189], которые, взаимодействуя, «формируют Крымский текст» [1, с. 189]. Другая работа С.О. Курьянова – «Крымский текст как литературоведческий феномен» – предлагает обзор истории формирования в науке поня-

тия «Крымский текст», уточняет методологические подходы к его исследованию по сравнению с геопоэтикой и геокритикой, а также указывает на «хронотопическую, но с акцентом на пространственной составляющей» [2, с. 183] природу Крымского текста: «Он появляется там и тогда, где и когда не столько в сознании автора, сколько в воспринимающем сознании возникают пространственные представления, связанные с Крымом» [2, с. 183].

Широко исследуется Сибирский текст в работах Т.А. Богумил, А.С. Янушкевича, А.А. Ревякиной, В.И. Тюпы. Так, В.И. Тюпа в статье «Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы», не давая однозначного определения Сибирскому тексту, отмечает его устойчивые мифопоэтические черты на материале классической русской литературы: «Сибирь с её каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием «доксы», общепонятным хронотопическим образом некоторого способа присутствия человека в мире» [3, с. 28]. Кроме того, исследователь отмечает связь мифологем Сибири и Кавказа, которые объединены представлениями о «стране мёртвых» [3, с. 28].

Кавказский текст также часто становится предметом изучения филологов. Так, Ю.О. Зубцова отмечает, что «Словосочетание «кавказский текст» существует в разных видах: и как культурологическое понятие, и как организующее представление при описании конкретных случаев, и как метафора для объединения разрозненного материала. Иногда он является неким гиперконцептом, скрепляющим различные пласты темы на самых разных социальных и художественных уровнях, вплоть до признания «собственностью» ему принадлежащей всей литературы народов Кавказа» [4, с. 123]. Более цельное определение в своей статье «Современное кавказское литературоведение: габитусы П. Бурдьё и геокультурное самосознание» даёт В.И. Шульженко: «это литературное отображение кавказского мифа, совокупность произведений, которые, будучи написанными разными авторами в разное

время, могут быть, однако, прочитаны как единый в своих основах свертхтекст» [5, с. 53]. Исследователь, как и большинство учёных, рассматривающих различные региональные свертхтексты, отмечает мифопоэтическую природу Кавказского текста и проводит любопытную параллель: «этот миф русский, о русских, пытающихся вписать себя в кавказское мироустройство. Похожий миф есть у русских на севере, у поморов, так же когда-то открывавших для себя Беломорье» [5, с. 53]. Думается, неслучайно возникает ассоциация с Северным текстом русской литературы, в котором художественная картина мира основывается на мифопоэтических представлениях.

Об этой особенности Северного текста не раз писали исследователи. Так, вспомним статью О.В. Поспеловой «Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина», в которой рассматривается «ёмкий, амбивалентный, обладающий особой мифопоэтической символикой» [6, с. 131] образ белой ночи в произведениях, которые, по мнению автора, составляют ядро Северного текста. В работе В.Н. Матонина «Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры» изучаются мифологические «концептуальные основы антропологии движения», «основанные на идеях перехода и Преображения» [7, с. 221]. О том, что «Русский Север предстаёт как мифологическое пространство, в котором человек выступает как культурный герой мифа» [8, с. 420], пишет А.А. Митрофанова. К мифопоэтическому характеру образа Севера выходит при анализе топонимов и гидронимов в поэтическом Северном тексте А.В. Петров [9]. «Мифологизм» как один «из пространственных аспектов» «многопланового лингвокультурного концепта «Русский Север», соотнесённость с которым является «главным признаком» Северного текста, отмечает А.Г. Лошаков [10, с. 48]. Другой важнейший признак регионального свертхтекста исследователь видит в «наличии единой прагматической (сверхсмысловой) установки: утверждение прочно связанных с Русским Севером, его

судьбой традиционных высших смыслов и ценностей» [10, с. 48].

На наш взгляд, наиболее ёмкое определение Северного текста даётся в трудах Е.Ш. Галимовой, которая понимает его как «создававшийся на протяжении длительного времени (вопрос о времени начала его формирования остаётся открытым и активно исследуется в настоящее время) в творчестве многих русских писателей особый северорусский вариант национальной картины мира, точнее мифопоэтический образ северорусского мира, наделённый наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [11, с. 21].

Исследовательница полагает, что Северный текст как региональный свертхтекст имеет сложную структуру и состоит из субтекстов, которые следует выделять по локальному принципу (Печорского, Пинежского и пр.). Мы считаем, что подобное разделение может проводиться и на другом основании и предлагаем наряду с субтекстом для взрослых читателей выделять субтекст Северного текста русской литературы, ориентированный на читателя до 18 лет, читателя-ребёнка. Он, на наш взгляд, будет обладать всеми формально-содержательными характеристиками «материнского» текста, а также иметь ряд специфических особенностей, связанных с читательским адресом. Художественная картина мира, складывающаяся в произведениях Северного текста русской литературы для детей, требует тщательного изучения и состоит из ряда взаимосвязанных образных и мотивных элементов, формирующих в итоге самобытный образ Русского Севера. Одним из таких частных элементов является образ озера, рассмотрению которого посвящена данная работа.

Задачами предпринятого исследования являются рассмотрение образно-смысловых характеристик, которые получает образ озера в произведениях разных авторов, выявление его смысловых взаимосвязей с другими элементами северорусского мира, определение его места в художественной картине мира Северного текста русской литературы для детей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования являются повести А. Линевского «Листы каменной книги» (1930), А. Петухова «Сить – таинственная река» (1971), В. Пикуля «Мальчики с бантиками» (1974), М. Скороходова «Остров Космонавтов» (1965), А. Членова «Как Алёшка жил на Севере» (1965), рассказ А. Мошковского «Лебединое крыло» (1962), относящиеся к Северному тексту русской литературы для детей. Поскольку последний имеет свертхтекстовую природу, то требует особого подхода к своему анализу. Методология изучения Северного текста русской литературы только начинает складываться в современной науке, однако его художественная природа диктует системный подход к его изучению, который предполагает не только соединение различных видов литературоведческого анализа (хронотопического, мотивного, мифопоэтического, системно-семантического), но и использование элементов геопоэтического и семиотического подходов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образ озера, тесно связанный с мифологемой воды, сакрализуется в традиционном сознании. С одной стороны, в фольклоре можно встретить образы святых, священных озёр с целебной водой, в связи с которыми возникает мифопоэтический мотив погружения в озеро – очищения, исцеления, обновления жизни. С другой стороны, в быличках возникают образы «нечистых», «худых» озёр и их духов-обитателей (водяной, русалки и пр.), враждебных человеку. Нередки и образы мистических озёр, укрывших селения (озеро Светлояр и Китеж-град).

Образ озера в Северном тексте русской литературы для детей воплощает некоторые из этих мифопоэтических представлений и реализуется в двух основных смысловых вариантах: лесное и тундровое озеро.

Образ лесного озера актуализирует мифопоэтический мотив двоемирия, оно в восприятии юных героев существует на грани сна и яви, нереального и реального, смерти и жизни, чужого и своего и устойчиво соотно-

сится с мотивом тайны. Всё это вписывает образ озера в хронотоп леса.

Так, мотив тайны становится сквозным при создании образа Пайтова озера в повести А. Петухова «Сить – таинственная река». У шалаша Гусев рассказывает друзьям о чудесном, затерянном в лесах озере, полном рыбы, куда не ведёт ни одна тропинка, а может завести только леший: «И вот забрёл в такое место, что и самому страшно стало. Сосны да ёлки до неба, нигде ни дорожки, ни тропинки, ни одного следка. А под ногами мох – зелёный, мягкий, как подушка. Так и хочется полежать. Ну, думаю, это леший меня сюда заманил...»¹. Рассказ Васьки о Пайтовом озере имеет жанровые особенности фольклорной былички о худом месте и его хозяине. Оно для главного героя становится местом своеобразного перерождения. Окунувшись с маской, данной Витькой, в глубины озера, Гусев словно преображается (сказочный, фольклорный мотив): отступают тоска, обида на ребят и одиночество. При описании восприятия главным героем Пайтова озера возникает мотив двоимирия: «И он тихо плыл вдоль берега, изумлённо разглядывая неузнаваемый, такой необычный подводный мир. Вот густо разрослись водоросли... Листья продолговатые, курчаво блестящие, жёлто-зелёного цвета. Со стороны ну точь-в-точь джунгли. Только под водой... Причудливо, необычно и по-своему красиво выглядели под водой коряги... Гусь двинулся вдоль ствола к корням, и тут из-за дерева неожиданно выплыл табунок полосатых окуней... нет, они были не крупные, но сколько в них красок, сколько блеска! Оранжевые брюшные плавники, золотисто-зеленоватые бока, переходящие к спине в коричнево-зелёные. А полосы – сизые, с просинью...

В этом мире удивительной красоты он забыл всё: и обиду на ребят, которые потянулись к Витьке, и выдуманное прозвище «лягушечник», и себялюбивое стремление утратить... Витьке пакость, и пугающий рассказ случайного старика о Пайтовом озере. Всё

ушло, растворилось, остался лишь этот диковинный мир тишины и игры красок, который до сих пор был неведом, недоступен и вдруг, как будто по волшебству, открылся его глазам» (с. 77-78). Так в реалистическое повествование автор вводит мифопоэтические элементы, связанные с особенностями восприятия подростка, находящегося на границе детства и взрослой жизни.

Чудо внутреннего перерождения, испытанное главным героем на Пайтовом озере, сродни древнему обряду инициации, взросления, превращения мальчика в мужчину. Именно на берегу озера у костра Гусь впервые задумался о неразрывной связи собственной жизни с родной землёй.

На границе сказки и яви в сознании героя и автора существуют соловецкие озёра в повести В. Пикуля «Мальчики с бантиками». С одной стороны, писатель подробен и точен в характеристике лесных озёр, использует много реалистичных художественных деталей и топонимов. Вот, например, как описывается лесная дорога к Савватьеву, по которой в начале повести ведёт юнг: «Она была прекрасна, эта дорога, и юнги, вчерашние горожане, даже малость попричихали при виде её красот. Сколько озёр! Сложная система старинных дамб, возведённых трудом богомольцев, была создана вполне художественно – гармония с природой соблюдена. Идёшь по такой дамбе, справа возле самых ног плещет рыбой озеро, слева, внизу, будто в пропасти тоже затуманилось волшебное озерко. Как люди умудрялись одной лопатой творить такие чудеса – непостижимо!»². С другой стороны, рукотворные, вполне реальные чудеса в связи с образом лесного озера соседствуют с загадками и древними тайнами, неподвластными человеку. Такое описание озера рядом с Савватьевым находим в тексте: «В просвете величавых сосен и вправду засветилось озеро – длинное, мрачное, колдовское. Хотелось верить, что по ночам, когда притихают природа, в этом озере начинают играть

¹ Здесь и далее в статье текст повести А. Петухова будет печататься по изданию: *Петухов А.В. Сить – таинственная река* // Петухов А.В. Повести. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. С. 33. В круглых скобках указаны страницы.

² Здесь и далее в статье текст повести В. Пикуля будет печататься по изданию: *Пикуль В.С. Мальчики с бантиками*. М.: Голос, 1996. 528 с. URL: <https://book-online.com.ua/read.php?book=4129> (дата обращения: 23.09.2023)

водяные, высоко всплеснёт воду чаровница-русалка...». Сознание юного героя под воздействием природных впечатлений рождает фольклорные сказочные ассоциации, что актуализирует ещё одну значимую черту природного космоса Соловков – их национальный, русский, родной по духу для героев характер, который превращает архипелаг в какое-то сказочное Лукоморье. Однако с развитием сюжета из восприятия героев постепенно уходит сказочная, мистическая поэтизация Соловков – сама жизнь способствует возникновению реальных объяснений казавшихся нереальными явлений природы. Так, уже в финале приведённого выше описания читаем: «Совсем неожиданно, разрушая очарование, громадная чёрная крыса с длинным хвостом прыгнула с кочки в воду. За ней – другая, третья, ещё, ещё крыса». Появление мускусных крыс, завезённых на Соловки из Канады, не столько разрушает очарование острова, сколько настраивает восприятие героев на иной лад.

Как и у А. Петухова, в повести В. Пикуля в связи с мотивом двоемирия возникает мотив погружения в озеро как преображения и обновления. Савка «проводит проверку своего мужества, решая, что либо научится плавать и станет моряком, либо погибнет. Герой для испытания тщательно выбирает подходящее соловецкое озеро: «Озёр на Соловках не пересчитать... Одно озерко не понравилось ему цветом торфянистой воды. Другое слишком обожгло пятку стужей... Он вышел к третьему озеру, которое показалось ему вполне подходящим. Длинная жердина от самого берега не могла прощупать дна». Спустившись в «оглушительную глубину» озера, «Савка разглядел древние коряги, похороненные на дне... и длинные волосы водорослей тянулись к нему». Черты подводного мира явно обладают признаками infernalного пространства смерти: холод, темнота, глубина, «похороненные коряги»... Мир живых, надводный противостоит смертоносным глубинам: «Ладони розово осветило солнце. Они первыми проткнули ту плёнку, что делила мир на две стихии».

Кроме того, связанный в смысловом отношении с мотивами двоемирия и границы

образ лесного озера в Северном тексте русской литературы для детей устойчиво соотносится с другими гидронимами – морем и рекой. Например, с помощью такого соотношения раскрыт образ Онежского озера в повести А. Линецкого «Листы каменной книги». Во второй части повести устойчивым становится сопоставление Белого моря и Онежского озера, когда автор пытается передать психологическое состояние Лёка и Бэя, тоскующих по дому. Так, например, наблюдая весеннее пробуждение жизни на Онежском озере, окружённом лесом, где «играет рябь волны»³, где «птичья суeta и гомон затихали, только когда густые сумерки окутали берег» (с. 189), Лёк вместе с радостью испытывает тоску: «Так же пахла пригретая солнцем земля на его родине, у Белого моря, так же прилетали птицы, всюду шла весёлая, деловитая суeta, но у моря это весеннее изобилие люди ценили больше, чем здесь – там оно приходило как избавление от долгих мучений голода» (с. 189).

Братья полюбили Онежское озеро, «глубокое огромное... где неожиданно налетали бури» (с. 213), так как оно напоминало им Белое море. Это тоже отличало их от людей нового стойбища, которые озера боялись, а кормились тем, что давали река и лес: «С берега озера вдалеке виднелось несколько островов... Здесь на островах они были только вдвоём и могли спокойно говорить друг с другом на родном языке. Вот почему они часто уезжали на долблённом челноке к островам ловить рыбу...» (с. 213).

Однако не только приём психологического параллелизма помогает вписать образ озера в единую художественную картину мира Севера, но и единство мифопоэтических образов-символов. Например, изначально фольклорный образ духа места сближает в произведениях образы озера и реки. Так, в повести А. Петухова их хозяйкой, о которой рассказывает впечатлительному мальчику белобродый, «похожий на колдуна» (с. 33), старик-рыбак, является «главная щука – самая боль-

³ Здесь и далее в статье текст повести А. Линецкого будет печататься по изданию: *Линецкий А.М. Листы каменной книги*. Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1976. 253 с. В круглых скобках указаны страницы.

шая на озере щука – хозяйка... Страшная! Длинной с... лодку, а то и больше, пасть – как бочка без дна, красная, зубы – с палец, и на голове – мох...» (с. 35).

Образ рыбы – одна из древнейших мифологем в человеческой культуре. В энциклопедии «Мифы народов мира» приводятся несколько архетипических значений, связанных с ним. Образ рыбы – элемент космогонических мифов; с другой стороны, рыба в разных культурах – зооморфное воплощение нижнего мира, мира смерти, связанного с хаосом и враждебного человеку. Отсюда, в том числе в русских сказках, мотив проглатывания рыбой (щукой) героя: «Рыба выступает как некий эквивалент... царства мёртвых: для того, чтобы воскреснуть, нужно побывать в нём»⁴. Рыба также может выступать как гигантское первозданное чудовище, «охраняющее мировое древо»⁵. Кроме того, образ рыбы восходит к культу праматери, символизируя плодородие, изобилие. И, наконец, «изображение гигантской рыбы, пожирающей рыбную мелочь, трактуется как иносказание о неумолимости и верховной мощи природы»⁶.

В целом же озеро в художественном сознании создателей Северного текста русской литературы для детей оказывается образом, не вступающим в устойчивые смысловые оппозиции, как элементы хронотопа пути – лес, тундра, море или река, а скорее актуализирующим единство мира.

Если лесные северные озёра в произведениях Северного текста русской литературы для детей разнообразны по форме и размерам, на что обращают внимание авторы («длинное, узкое»⁷ (с. 9) озеро в повести М. Скороходова «Остров Космонавтов»; «глубокое огромное» (с. 213). Онежское озеро у А. Линевского в «Листах каменной кни-

ги»; «длинное, мрачное» (с. 34) у В. Пикуля в «Мальчиках с бантиками»), то тундровые озёра имеют только круглую форму, которую поэтизируют авторы, ассоциативно связывая их с мифологемой круга, «чаще всего выражающей идею единства, бесконечности и законченности, высшего совершенства»⁸. Круг, ориентированный на некий центр, воплощает в мифопоэтическом сознании образ бесконечного космоса, мира.

Круглые озёра в Северном тексте русской литературы для детей, таким образом, актуализируют хронотоп тундры как отдельный особый мир. С другой стороны, их образы часто вводятся в текст с помощью приёма олицетворения. Устойчивым в исследуемом корпусе произведений стал образ озёр как глаз тундры. Так, в лирическом финале рассказа А. Мошковского «Лебединое крыло» подруга после отъезда оставила «пахучие тундровые цветы, ликующе-синее звонкое небо над стойбищем и глубокие задумчивые глаза озёр – красоту и величие мира»⁹.

Подобный же образ находим в книге А. Членова «Как Алёшка жил на Севере»: «А в тундре озёр, и правда, много. Они, прямо как голубые глаза, смотрят в небо. Бывают мелкие озёра, а бывают глубокие. И в них льдинки плавают. Даже летом. Потому что Арктика»¹⁰. При сравнении озёр с глазами тундры используется приём субъективации авторского повествования: взгляд автора сближается с видением главного героя. Отец Алёшки, подмечая стремление сына видеть чудо и сказку в окружающем мире, говорит: «Красота должна жить в сердце всю жизнь»¹¹. Окружающая красота тундры рождает в мальчике художника, способного подмечать малейшие

⁸ Мифы народов мира. Т. 2. С. 18.

⁹ Здесь и далее в статье текст рассказа А. Мошковского будет печататься по изданию: Мошковский А.И. Лебединое крыло. URL: <https://libking.ru/books/child-/child-prose/386278-anatoliy-moshkovskiy-lebedinoe-krylo.html> (дата обращения: 23.09.2023).

¹⁰ Здесь и далее в статье текст повести А. Членова будет печататься по изданию: Членов А.Ф. Как Алёшка жил на Севере. URL: <https://libking.ru/books/child-/child-prose/131359-anatoliy-chlenov-kak-aleshka-zhil-na-seve-re.html> (дата обращения: 23.09.2023).

¹¹ Там же.

⁴ Мифы народов мира / под ред. С.А. Токарева: в 2 т. М.: Сов. энцикл., 1988. Т. 2. С. 392.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 393.

⁷ Здесь и далее в статье текст повести М. Скороходова будет печататься по изданию: Скороходов М.Е. Остров Космонавтов // Скороходов М. Северные робинзоны. Приключенческие повести. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 3-34. В круглых скобках указаны страницы.

детали мира: «Они шли долго и пришли туда, где озёра. Здесь было очень хорошо. Вдалеке синели горы, и на них белые снеговые шапки. Солнце стояло высоко над тундрой. Оно было ласковое и тёплое. А в озёрах всё равно льдинки плавали. Сверху такая льдинка белая и вся сверкает. А в глубине она темнее. Сначала кажется, что зелёная, а совсем глубоко – чёрная. Как бархат.

И ещё в воде солнечные зайчики бегают. И очень тепло вокруг. И пахнет чем-то свежим. А кругом мягкий серебристый мох – ягель он называется. В нём прячутся маленькие красные капельки, спелые ягоды»¹². Автор разбивает стереотипы в восприятии тундры как неприветливой суровой пустыни. Для Алёшки, который родился здесь, она полна цвета, света, запахов и вкусов. Его арктическое лето цветное, оно пахнет «чем-то свежим и отдаёт морошковым вкусом»¹³. Автор вслед за героем поэтизирует тундру, во многом потому что для Алёшки она родной дом.

Образы озёр, созданные с помощью приёма олицетворения, делают тундру не просто пространством, где происходит действие произведений, но своеобразным героем последних, живым воплощением души Крайнего Севера.

Итак, образ озера в художественной структуре Северного текста русской литературы для детей занимает особое место. Так, устойчиво выделяются в текстах два смысло-

вых варианта образа озера: лесное и тундровое. Первый решается через мотивы двоемрия, тайны, границы, преобразования/изменения героя через погружение в его воды. Второй тесно связан с мифологемой круга и приёмом олицетворения, персонификации. С хронотопами моря и реки образ озера сближают мотивы границы между своим и чужим, приём психологического параллелизма и мифопоэтический образ духа места соответственно. То есть образ озера, в художественном мире Северного текста русской литературы для детей так или иначе связанный со всеми элементами хронотопа пути, актуализирует мотив единства северного космоса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретическая значимость предпринятого исследования состоит в апробации методики комплексного анализа произведений Северного текста русской литературы для детей как субтекста Северного текста и репрезентации малоизученного в современной филологической науке художественного материала.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в работах, посвящённых изучению Северного текста русской литературы как регионального сверхтекста.

Предпринятое исследование не является исчерпывающим, напротив, призвано показать научную перспективность выбранной темы. Материал Северного текста русской литературы требует расширения и дальнейшего изучения.

¹² Здесь и далее в статье текст повести А. Членова будет печататься по изданию: Членов А.Ф. Как Алёшка жил на Севере. URL: <https://libking.ru/books/child-/child-prose/131359-anatoliy-chlenov-kak-aleshka-zhil-na-severe.html> (дата обращения: 23.09.2023).

¹³ Там же.

Список источников

1. Курьянов С.О. Понятие Крымского мифа как основа Крымского текста // Вопросы русской литературы. 2014. № 27 (84). С. 189-203. <https://elibrary.ru/wjxmhb>
2. Курьянов С.О. Крымский текст как литературоведческий феномен // Вопросы русской литературы. 2014. № 29 (86). С. 176-185. <https://elibrary.ru/wjtksv>
3. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28-35. <https://elibrary.ru/ybsllf>
4. Зубцова Ю.О. Кавказский текст в литературе нового века // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (17). С. 122-126. <https://elibrary.ru/gtvwgs>

5. Шульженко В.И. Современное кавказское литературоведение: габитусы П. Бурдьё и геокультурное самосознание // Университетские чтения – 2016: материалы научно-методических чтений. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2016. С. 50-57.
6. Пospelova O.B. Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 131-136. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.131>, <https://elibrary.ru/ykorxv>
7. Матонин В.Н. Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 221-223. <https://elibrary.ru/scvskp>
8. Митрофанова А.А. Интертекст Северного текста // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. ст. Архангельск: Сев. (Арктический) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 412-421. <https://elibrary.ru/yluxth>
9. Петров А.В. Топонимы как выразительное средство в Северном тексте // Филологическая регионалистика. 2010. № 1-2 (3-4). С. 48-53. <https://elibrary.ru/vpwslr>
10. Лошаков А.Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. Т. 1. С. 26-57. <https://elibrary.ru/xpyudb>
11. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. Т. 1. С. 9-26. <https://elibrary.ru/urwwbc>

References

1. Kur'yanov S.O. Ponyatie Krymskogo mifa kak osnova Krymskogo teksta [The concept of the Crimean myth as the basis of the Crimean text]. *Voprosy russkoi literatury* [Questions of Russian literature], 2014, no. 27 (84), pp. 189-203. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjxmhb>
2. Kur'yanov S.O. Krymskii test kak literaturovedcheskii fenomen [The Crimean Test as a literary phenomenon]. *Voprosy russkoi literatury* [Questions of Russian literature], 2014, no. 29 (86), pp. 176-185. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjtksv>
3. Tyupa V.I. Siberia mythology: to the question of the “Siberian text” of Russian literature. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2002, no. 1, pp. 28-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ybsllf>
4. Zubtsova Yu.O. Kavkazskii tekst v literature novogo veka [The Caucasian text in the literature of the New Century]. *Russkii yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Russian Language and Intercultural Communication], 2018, no. 1 (17), pp. 122-126. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gtvwgs>
5. Shul'zhenko V.I. Sovremennoe kavkazskoe literaturovedenie: gabitussy P. Burd'e i geokul'turnoe samosoznanie [Modern Caucasian Literary Studies: P. Bourdieu's Habitus and Geocultural Self-awareness]. *Materialy nauchno-metodicheskikh chtenii «Universitetskie chteniya – 2016»* [Proceedings of Scientific and Methodical Readings “University Readings – 2016”]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2016, pp. 50-57. (In Russ.)
6. Pospelova O.V. The image of the midnight sun in the literary works about the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, and E. Zamyatin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2017, no. 2, pp. 131-136. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.131>, <https://elibrary.ru/ykorxv>
7. Matonin V.N. The images of “motion” and “purpose” in Northern text of the Russian culture. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Idea*, 2013, no. 6, pp. 221-223. (In Russ.) <https://elibrary.ru/scvskp>
8. Mitrofanova A.A. Intertekst Severnogo teksta [The intertext of the Northern text]. *Sbornik nauchnykh statei «Geokul'turnoe prostranstvo Evropeiskogo Severa: genезis, struktura, semantika»* [Collection of Scientific Articles “The geocultural space of the European North: genesis, structure, semantics”]. Arkhangelsk, Northern Arctic Federal University Publ., 2011, pp. 412-421. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yluxth>
9. Petrov A.V. Toponimy kak vyrazitel'noe sredstvo v Severnom tekste [Toponyms as an expressive means in the Northern text]. *Filologicheskaya regionalistika = Philological Regional Science*, 2010, no. 1-2 (3-4), pp. 48-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpwslr>

10. Loshakov A.G. Sverkh tekst i Severnyi tekst russkoi literatury [The supertext and the Northern text of Russian literature]. *Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo* [The Northern Text as a Pulmonary Form of Being of the Russian North]. Arkhangelsk, Imidzh-Press Press., 2017, vol. 1, pp. 26-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xpyudb>
11. Galimova E.Sh. Severnyi tekst russkoi literatury: metodologiya issledovaniya [The Northern Text of Russian literature: research methodology]. *Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo* [The Northern Text as a Pulmonary Form of Being of the Russian North]. Arkhangelsk, Imidzh-Press Press., 2017, vol. 1, pp. 9-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/urwwbc>

Информация об авторе

Давыдова Алёна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-1702-0019>, a.davidova@narfu.ru

Вклад в статью: формулирование идеи и общей концепции, анализ художественных текстов, ранее системно не изучавшихся в науке, апробирование системного подхода к анализу регионального сверткста, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 27.10.2023

Поступила после рецензирования 07.02.2024

Принята к публикации 15.02.2024

Information about the author

Alyona V. Davydova, PhD (Philology), Associate Professor of Literature, Higher School of Social and Humanities and International Communication Department, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1702-0019>, a.davidova@narfu.ru

Contribution: idea's and a general concept's formulation, literary texts' analysis that had not previously been systematically studied in science, testing systematic approach to analysis of regional supertext, manuscript text drafting.

Received October 10, 2023

Revised February 7, 2024

Accepted February 15, 2024